
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Этот фундаментальный труд академика Е. В. Тарле стал первым в советской историографии крупным научным исследованием о знаменитой и очень значимой для всей Европы, поистине мировой войне, которая в русской традиции чаще называется Крымской, а в иностранной литературе — Восточной.

Работа над «Крымской войной», по свидетельству самого академика, началась в 1939 г. Уже к концу 1940 г. им был завершен первый том, а в 1943 г. увидел свет и второй том исследования. Первый том этого труда исследует многочисленные дипломатические хитросплетения, предшествующие войне. Второй том посвящен описанию собственно военных действий в Крыму и особенно — героической обороне Севастополя.

На первый взгляд может показаться странным обращение Тарле, признанного в мире специалиста по истории Франции, к событиям Крымской войны (1854–1855). Но тому есть различные, благоприятные и не слишком, обстоятельства жизни историка.

В 1930 году Е. В. Тарле был арестован по так называемому «Академическому делу» и сослан в Алма-Ату. Лишь через некоторое время он получил разрешение вернуться в Ленинград, где продолжил активно работать. Но под подозрением все-таки оставался. Например, ему было отказано в выезде за границу по приглашению Парижского университета для чтения лекций по истории Франции. Так что необходимость оправдаться, а также вернуть себе прежний социальный и профессиональный статус сыграла свою важную роль. Да что там реабилитироваться — просто выжить!

В конце июня 1937 г. сам «отец народов» направил благодетельное письмо историку. 6 июля 1937 г. историк отправил ответное письмо вождю, в котором благодарил за поддержку и обещал лично товарищу Сталину с «еще большей энергией работать на нашем очень неблагоприятном историческом фронте над делом проведения в жизнь Ваших неоднократных, но до сих пор фактически почти вовсе невыполняемых указаний касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории». Понятно, что подобная эпистолярная история открыла историку

новые возможности. В сентябре 1938 г. на общем собрании Академии наук Тарле избрали академиком.

Вскоре академик Тарле приступил к работе над «Крымской войной». Во-первых, в этой войне принимала участие Франция, историю которой он хорошо знал. Во-вторых, незадолго до этого Тарле принял деятельное участие в масштабной работе по составлению и редактированию первого тома «Истории дипломатии». Здесь Е. В. Тарле вместе с профессорами А. В. Ефимовым, А. Л. Нарочницким и В. М. Хвостовым трудился над четвертым разделом «Дипломатия в новое время (1789–1871)». В-третьих, советская историография фактически была лишена публикаций о Крымской войне, ведь в СССР эта военная кампания трактовалась как провалившаяся авантюра «реакционного царского режима». Но ведь подобная ситуация открывала прекрасные возможности для маститого историка стать фактическим «первооткрывателем» Крымской войны в современной отечественной историографии. А подобной возможности ни один ученый не может упустить!

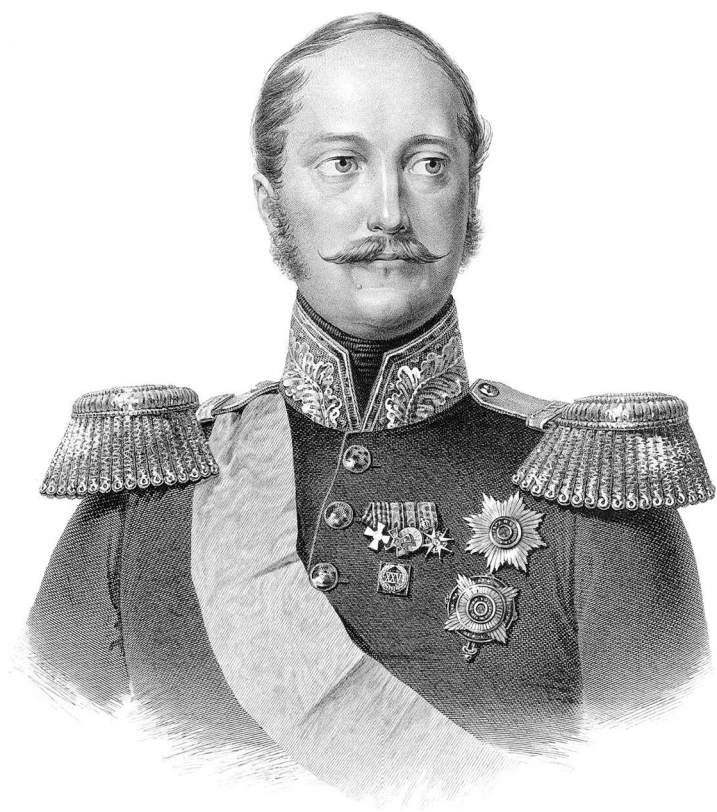
Первый том своего труда Тарле взял в руки в августе 1942 г., когда находился в эвакуации в Казани. Работа Тарле редактировалась и издавалась в военную зиму 1941–1942 гг. в осажденном Ленинграде, и голодные и измученные рабочие-печатники вручную крутили печатные машины, так как не было электроэнергии. Некоторые из них падали у машины, будучи истощенными от недоедания, но отдохнув немного, снова продолжали работу. Переплеталась книга под гул артиллерийской канонады; готовый тираж разными видами транспорта доставляли в Москву

Второй том «Крымской войны», вышедший в 1943 г., охватывает военную историю кампании, в основном — оборону Севастополя. В ходе работы над книгой академик использовал многочисленные архивные материалы, включил выдержки из малодоступных работ участников Крымской войны и совсем недоступные для современного ему читателя труды зарубежных ученых и мемуаристов.

Эта книга тоже имела сложную судьбу, но вопреки всем обстоятельствам именно она определила для отечественных историков «золотой» канон, по которому необходимо исследовать Крымскую войну и героическую оборону Севастополя.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

ВВЕДЕНИЕ

I

Крымская война является одним из переломных моментов в истории международных отношений и в особенности в истории внутренней и внешней политики России.

В настоящей работе я пытаюсь осветить — на основании как архивных неопубликованных и опубликованных источников, так и существующей литературы некоторые стороны дипломатической и общей истории войны 1853–1856 гг., которые мне кажутся сравнительно слабо разработанными.

Раньше чем приступить к последовательному рассказу о начале, ходе и о конце этой войны, я счел уместным предпослать изложению несколько слов о том, при какой дипломатической обстановке возник этот кровавый конфликт; как смотрели на эту войну представители различных общественно-политических течений в Западной Европе и России; каким рисовалось современникам внутреннее положение России в рассматриваемый момент. В этом введении лишь намечены вкратце некоторые проблемы, о которых обстоятельнее придется говорить в дальнейшем.

Целеустремленные старания новейшей английской (Темперлей, Гендерсон, Уиллами и др.), американской (Пурьир), отчасти французской и немецкой историографии исказить самую постановку вопроса о «виновниках» Крымской войны вынуждают нас тут же, в этом сжатом введении, коснуться и этой проблемы.

В том, что Николай I был непосредственным инициатором дипломатических заявлений и действий, поведших к возникновению войны с Турцией, не может быть, конечно, сомнений. Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив свою несостоятельность и в дипломатической области, и в организации военной обороны государства, страдавшего от технической отсталости и от общих последствий господства дворянско-феодалного крепостнического строя.

Однако война была агрессивной не только со стороны царской России. Турецкое правительство охотно пошло на развязывание войны, преследуя определенные агрессивные реваншистские цели — возвращение северного побережья Черного моря, Кубани, Крыма. Позднейшие деятели — и откровенный Энвер-паша, и тонкий лукавец Ататюрк — могли бы в некотором отношении назвать кое-кого из турецких дипломатов 1853–1856 гг. своими духовными предками. Война оказалась грабительской с обеих сторон, если судить по мотивам, руководившим «политикой далекого прицела» обоих противников.

Но были ли дипломатические, а потом и военные выступления Англии и Франции продиктованы, как упорно до сих пор пишут публицисты и историки этих стран, одним лишь желанием защитить Турцию от нападения со стороны России? На это должен быть дан категорически отрицательный ответ. Обе западные державы имели в виду отстоять Турцию (и притом поддерживали ее реваншистские мечтания) исключительно затем, чтобы с предельной щедростью вознаградить себя (за турецкий счет) за эту услугу и прежде всего не допустить Россию к Средиземному морю, к участию в будущем дележе добычи и к приближению к южноазиатским пределам.

Обе западные державы стремились захватить в свои руки и экономику, и государственные финансы Турции, что им полностью и удалось в результате войны; обе деятельно между собой конкурировали и враждовали после Крымской войны (а отчасти даже и во время самой войны), взапуски стараясь обогнать друг друга на путях систематического обирания турецкой державы. У обеих западных держав были еще и другие разнохарактерные, большие цели, и на жестокий промах русской дипломатии и Пальмерстон, и Наполеон III посмотрели как на счастливый, неповторимый случай выступить вместе против общего врага. «Не выпускать Россию из войны»; изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, — когда оно уже осознало опасность начатого дела, — отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западной коалиции.

И именно тогда, когда русские ушли из Молдавии и Валахии и уже речи не могло быть об угрозе существованию или

целостности Турции, союзники напали на Одессу, Севастополь, Свеаборг и Кронштадт, на Колу, Соловки, на Петропавловск-на-Камчатке, а турки вторглись в Грузию. Британский кабинет уже строил и подробно разрабатывал планы отторжения от России Крыма, Бессарабии, Кавказа, Финляндии, Польши, Литвы, Эстонии, Курляндии, Лифляндии. Вдохновитель всех этих планов, «воевода Пальмерстон», иронически воспетый в русской песенке, «в воинственном азарте... поражает Русь на карте указательным перстом», а его французские союзники уже начинают сильно беспокоиться, наблюдая рост аппетита увлекающегося милорда.

Премьер-министр Великобритании
Генри Джон Темпл, 3-й виконт
Пальмерстон
(1784–1865)

Такова картина настроений союзников во всю вторую половину войны. Тем-то и дорог Пальмерстон новейшему историку Крымской войны Гендерсону, что «Пальмерстон был хорошим англичанином, работающим для национальных целей... Его национализм был не принципом, а страстью, со всем тем хорошим и дурным, что происходит от страсти»¹.

Иностранные историки предпочитают скромно умалчивать об этих безудержно захватнических планах Пальмерстона, Наполеона III, подоспевшего к дележу добычи австрийского министра Буоля, уже направлявшегося на Тифлис Омер-паши.

Тяжкая война покрыла новой славой русское имя благодаря воинскому искусству, беззаветной храбрости и горячей любви к родине Нахимова, Корнилова, Истомина, Васильчикова, Хрулева, Тотлебена, 16 тысяч нахимовских матросов, из которых было перебито 15 200 человек, десятков тысяч солдат, легших костями в Севастополе и вокруг Севастополя.

За тяжкие перед народом преступления и политику царизма пришлось расплачиваться потоками крови самоотверженных

русских героев на Малаховом кургане, у Камчатского люнета, на Федюхиных высотах. Все сказанное выше об истинном характере «бескорыстия» неприятельской коалиции ничуть, конечно, не смягчает губительной роли Николая и николаевщины в трагической истории Крымской войны.

Если бы пришлось в немногословной формуле определить роль русского правительства, русской дипломатии, русского политического и военного правящего механизма в истории Крымской войны, то вполне законно было бы сказать: царизм, как уже мы отметили выше, начал и проиграл эту войну.

Инициативная роль Николая I во внезапном обострении восточного вопроса в 1853 г. после январских разговоров царя с сэром Гамильтоном Сеймуром не подлежит никакому сомнению, так же как не подлежит оспариванию несправедливый, захватнический характер войны против Турции, которую начал царь, отдав приказ о занятии русскими войсками Молдавии и Валахии в июне 1853 г. Конечно, Николай и во внешнеполитических своих действиях никогда не забывал, что он, помимо всего прочего, «первый петербургский помещик», как он с удовлетворением хвалился. Заинтересованность крупных землевладельцев крепостнической империи в расширении и обеспечении экспортной торговли на южных и юго-восточных границах России, на Балканском полуострове, на всем турецком Леванте была фактом очевидным и совершенно неоспоримым.

Предприятие, казалось при этом, облегчалось некоторыми счастливо складывавшимися обстоятельствами. С одной стороны, безмерно преувеличивалось значение религиозного фактора: православное вероисповедание болгар, сербов, греков, сирийцев, молдаван и валахов, т. е. большинства населения тогдашней Турецкой империи, порождало и крепило в этом населении мысль о помощи и защите против возможных турецких насилий и притеснений. С другой стороны, общность славянского происхождения сербов и болгар с русским народом, казалось, обещала России деятельную поддержку в предстоявшей борьбе. Правда, вплоть до революции 1848 г. все эти расчеты на православных славян сильно осложнялись и спутывались существенными соображениями: Австрия, столь необходимая Николаю для успешной борьбы против революционных движений и даже просто прогрессивных

стремлений во всей Европе, враждебным оком смотрела на какие бы то ни было русские поползновения установить хотя бы даже только культурную связь с балканскими славянами, боясь глубокого проникновения России, грозившего целостности Габсбургской державы. Но после 1848–1849 гг. Николаю уже представлялось, что с Австрией и ее настроениями и противодействием особенно считаться не приходится. И увлекавшийся поэт Тютчев уже стал восклицать, что русский царь падет ниц, молясь богу в храме св. Софии, и встанет «как всеславянский царь».

Мы увидим дальше, какую решающую роль в действиях царской дипломатии сыграло это крепко засевшее в голове Николая представление о том, что революционные события, потрясавшие Европу в 1848–1849 гг. и окончившиеся в очень значительной степени, как он воображал, только благодаря его вмешательству, надолго обессилили все европейские державы, кроме Англии. Итак, нужно лишь сговориться с Англией, дать ей отступного, чтобы не мешала. Путь свободен!

Расчеты Николая оказались с самого начала глубоко ошибочными. Основная ошибка заключалась прежде всего в недооценке сил и возможностей тех западноевропейских стран, которые могли оказаться в союзе с Турцией, что на самом деле и случилось.

Опасность грозила с трех сторон, от трех держав, которые непременно должны были встать на пути русской дипломатии, как только окончательно выяснится характер намерений царя относительно Турции, — со стороны Англии, Франции и Австрии. Но Николай, проявлявший известную осторожность в течение всего своего царствования в делах Ближнего Востока и считавшийся с прямым или скрытым противодействием этих трех держав, к моменту, когда в январе 1853 г. он внезапно решил открыть свои карты перед Гамильтоном Сеймуром, совершенно сознательно перестал принимать в расчет Францию и Австрию и убедил себя в том, что для достижения своих целей ему следует лишь полюбовно сговориться с Англией, согласиться на компенсацию в ее пользу за счет владений той же Турции, и тогда ни Франция, ни Австрия и никто вообще в Европе и голоса не посмеет подать против соглашения самой могучей сухопутной державы с самой сильной державой морской.

В этом расчете были три непоправимые ошибки: относительно Англии, относительно Франции и относительно Австрии.

Англия не пошла на царские предложения не вследствие бескорыстного желания «спасти» Турцию, как об этом гласили в 1853–1856 гг. ее дипломаты и продолжают гласить ее историки. Предложения царя показали кабинету Абердина, в котором наибольший вес имел голос Пальмерстона, явно невыгодными и опасными. Утверждение влияния России в Молдавии, Валахии, Сербии, Болгарии, Греции, переход в ее руки проливы и Константинополя слишком мало компенсировались приобретением Египта и Крита и даже всего Архипелага, хотя о нем пока и речь еще не заходила. А кроме того, разложение Турецкой империи влекло за собой рано или поздно переход части или всей Малой Азии, сопредельной с Кавказом, в русские руки.

Решительный отказ Англии последовал немедленно.

Вторая ошибка в расчетах Николая, не менее губительная, касалась предполагавшейся позиции Франции в предстоящей борьбе.

Николай, как и правящие круги России, привык к мысли, что после падения наполеоновской империи ни одно французское правительство не хотело бы вести агрессивной политики против России и не могло бы это сделать, если бы даже и пожелало. В особенности царь удостоверился в слабости французских военных сил за время царствования Луи-Филиппа. Еще в первые недели после внезапного июльского государственного переворота 1830 г. Николай носился с мыслью о вооруженной интервенции, посылал Орлова в Вену, Дибича в Берлин, наводил справки при дворах, но очень уж скоро (даже еще до начала ноябрьского восстания в Польше) отказался от мысли о восстановлении династии Бурбонов. Но когда Луи-Филипп утвердился на престоле и когда он, мнимый «король баррикад», стал всячески угождать царю и доказывать своим поведением, что очень хотел бы, подобно прочим европейским малым и большим державцам, опереться на николаевскую Россию в борьбе против республиканцев и социалистов, то Николай совсем перестал с Францией считаться.

Февральская революция, низвергшая ненавистного царя Луи-Филиппа, тем не менее испугала его, и только после поражения рабочих в страшные июньские дни 1848 г. царь окончательно

успокоился. Хребет революции сломен, но, конечно, и Кавеньяк, и избранный 10 декабря 1848 г. президентом принц Луи-Наполеон Бонапарт и не подумают бороться с ним, всемогущим борцом против революции, бдительным стражем порядка! Пришло и 2 декабря 1851 г., встреченное с восхищением в Зимнем дворце. Ночной налет, покончивший со Второй республикой, молодецкий расстрел генералом Сент-Арно безоружной толпы зрителей на Больших бульварах — все это очень понравилось царю. И хотя дальше последовали некоторые неприятности и принц-президент предпочел

Первый президент Франции,
единственный президент
Второй республики (1848–1852),
император французов (1852–1870)
Наполеон III
(1808–1873)

переехать из Елисейского дворца в Тюильри и принять, к неудовольствию царя, императорский титул, это не причиняло особого беспокойства. Ясно, что новый император озабочен внутренними делами, что у него забот по горло и что этих забот об укреплении престола хватит на много лет. Где уж тут пускаться во внешние войны из-за далекого Константинополя! Военные силы нового императора после всех этих потрясений, пожалуй, еще меньше заслуживают серьезного учета, чем силы Луи-Филиппа.

Николай не принял в расчет ни больших торговых и финансовых интересов крупной французской буржуазии в Турции, ни выгоды для Наполеона III, в династических интересах, отвлекая внимание французских широких народных слоев от внутренних дел к внешней политике, ни стремления его, предпринимая войну, выполнить одно из основных своих намерений, так хорошо сформулированное Чернышевским (по поводу создания Наполеоном III императорской гвардии): вся армия должна была уподобиться гвардии, которая предназначалась «служить корпусом преторианцев, верность которых упрочивал он себе привилегиями и наградами». Закалить армию в далекой, победоносной войне,

окончательно сделать ее исправным и беспощадно действующим орудием деспотической власти, одурманить ее фимиамом шовинистической похвальбы — все это отвечало в точности прямым целям удачливого узурпатора. И если Англия считала успех обеспеченным, если в нападении на русскую территорию на ее стороне будет Франция, то и Наполеон III, и его министры Морни, Персиньи, Друэн де Люис тоже убеждены были в конечной победе, если с ними будет Англия.

Николай и его канцлер Нессельроде успокаивали себя надеждой, что «никогда Наполеон III не вступит в союз с англичанами», смертельными врагами его дяди, Наполеона I. На всю фантастичность подобных надежд глаза царской дипломатии раскрылись слишком поздно. В том-то и дело, что после торжества реакции во Франции Луи-Наполеон гораздо меньше нуждался в поддержке северного «жандарма Европы», чем король Луи-Филипп, а после окончательного поражения чартизма и при улучшившейся торгово-промышленной конъюнктуре Николай I в 1853–1854 гг. стал гораздо менее нужен Абердину, чем в 1844 г., когда он с распростертыми объятиями и умильными комплиментами был принят в Виндзоре Викторией и тем же лордом Абердином.

Наиболее неожиданным и поэтому крайне болезненно пережившимся оказался провал расчетов и надежд царя и Нессельроде на Австрию. Давно ли австрийский фельдмаршал Кабога валялся в ногах у князя Паскевича, умоляя его спасти Австрию от полной гибели? Давно ли юный император Франц-Иосиф публично, на торжественном приеме в Варшаве, изогнувшись в три погибели, целовал руку царя, вымаливая помощь против венгерской революции?

Николай открыто заявлял (например, английскому послу Гамильтону Сеймуру), что он Австрию даже и во внимание не принимает при обсуждении вопроса о Турции. Осмелится ли она перечить своему благодетелю, своему «бескорыстному» другу и спасителю? Нессельроде уверял, что не посмеет. Нессельроде сорок лет подряд уверял сначала Александра I, а потом Николая I, что истинный монархический дух крепок только в Австрии и России и никогда эти две державы не могут идти розно, потому что это было бы только на руку «субверсивным элементам», революционерам всех национальностей и прежде всего полякам.

Но и помимо всего, ведь Николай помнил, что в 1849 г. немногочисленные венгерские инсургенты жестоко колотили австрийскую армию почти всюду, где они ее встречали. Значит, говорить о возможности для Австрии выступить против России не приходится, даже если бы у австрийского императора хватило коварства и неблагодарности подписать такой приказ. Значит, со стороны Австрии никаких осложнений ожидать нельзя, и все обстоит благополучно.

Император
и самодержец всероссийский
Николай I Павлович
(1796–1855)

И, однако, тут все обстояло именно совершенно неблагоприятно. Царь и тут игнорировал факты, имевшие решающее значение. Уже отторжение от Турции Бессарабии в 1812 г. и усилившееся влияние России в Молдавии и Валахии в 1829 г., после Адрианопольского мира, тревожили Австрию. Эти события нанесли немалый ущерб ее торговым интересам на Дунае, лишили ее дешевого и всегда обильного резерва хлеба и сельскохозяйственных продуктов и сокращали восточный рынок сбыта товаров. А помимо этих серьезных экономических причин, существовали политические соображения, поселявшие в правящих сферах венского двора и кабинета большую тревогу.

Присоединение в том или ином виде к Российской империи Сербии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Галлиполи с Константинополем грозило Австрии обхватом русскими силами с востока, с севера, с юго-востока и с юга и потерей политической самостоятельности. Мало того, славянские народы самой Австрии — чехи, словаки, хорваты, русины, поляки — не могли бы остаться покорными верноподданными Габсбургского дома при таких переменах, и Австрийской империи грозил бы распад. Меттерних всегда этого боялся, его преемник Шварценберг — также, преемник Шварценберга по управлению министерством иностранных дел — тоже.

Император Австрии
и король Венгрии, Богемии, Хорватии
и Славонии, Галиции и Лодомерии
Франц Иосиф I
(1830–1916)

Тут снова повторилось то же, что было отмечено нами, когда мы говорили об Англии и Франции: в 1853–1854 гг. Николай был несравненно менее нужен Австрийской империи, чем в 1849 г., когда фельдмаршал Кабога орошал слезами ботфорты князя Паскевича. И все по той же причине: революционное движение было уже подавлено, новых вспышек не ждали, руки у Франца-Иосифа были развязаны. Мало того. Если бы даже и могло иметь хоть какое-нибудь значение «чувство благодарности» за спасение, то отдаться таким нереальным сентиментальностям нельзя было бы. Наполе-

он III, пока намеками и обиняком, уже давал понять Вене, что сохранить нейтралитет Австрия не сможет и что в случае какой-либо «двуличной» политики она рискует быть жестоко наказанной, ибо ему, Наполеону III, крайне легко натравить на Австрию Сардинское королевство и помочь сардинскому королю Виктору-Эммануилу выгнать вон австрийские войска из Ломбардии и Венеции. Все это в конце концов и заставило Австрию стать на сторону союзников. И всего этого совершенно не предвидел Николай.

Эта внезапная (для него) «измена» Австрии, заметим кстати, была так опасна, что царь сделал все, что мог, пошел на жертвы, о которых вовсе никогда раньше и не помышлял, лишь бы оградить себя от флангового удара со стороны австрийской армии.

В то самое время, когда славянофилы выражали радостные надежды и предчувствия грядущего освобождения славян от турок, от австрийцев и уже наперед восхищались торжеством православия над католицизмом в вековой борьбе за «славянскую душу», Николай I писал Францу-Иосифу 30 мая 1853 г.: «Я бы желал,

чтобы, когда я займу княжества (Молдавию и Валахию.— Е. Т.), ты сделал бы то же самое с Герцеговиной и Сербией»².

Но ничего из этого не вышло. Было уже слишком поздно. Франц-Иосиф, взвесив выгоды и невыгоды подобной комбинации, за которой последовали бы репрессалии со стороны Наполеона III, отказался от подарка и не стал на сторону царя.

Царское правительство начало и вело эту войну, находясь во власти самых губительных заблуждений и теша себя иллюзиями, обманываясь и относительно своей силы, и относительно силы врагов, и относительно надежности и преданности «друзей».

Напомним теперь вкратце, как смотрели на это великое столкновение представители главных течений политической мысли на Западе и в России.

* * *

Общественное мнение в Западной Европе в своем отношении к завязавшейся кровавой борьбе резко разделилось на два лагеря.

Николаю и официальной России сочувствовало небольшое меньшинство — консерваторы всех мастей: аристократия Австрии, Пруссии, Швеции, Дании, Голландии, Испании, всех государств Италии, кроме, конечно, Сардинского королевства. В Англии и Франции реакционеры, можно сказать, скорбели душой, что их странам приходится воевать против слишком зарвавшегося жандарма Европы, но, конечно, желали все-таки полной победы своим правительствам.

Подавляющее большинство буржуазного класса, представленное конституционно-либеральными течениями и партиями, определенно ненавидело Николая и в Австрии, и в Германии, и во всех других странах как главу и самый могущественный оплот всеевропейской реакции, как решительный тормоз всякого прогресса. О либеральной буржуазии Англии и Франции нечего, конечно, и говорить.

Наконец, представители только что побежденных революционных партий, республиканцев и социалистов, повсеместно твердо верили в будущее поражение николаевской России, заранее горячо его приветствуя.

Фридрих Энгельс
(1820–1895)

Революционер Барбес восторженно писал из тюрьмы о войне Франции против северного деспота. Его письмо, перехваченное тюремной администрацией, дало Наполеону III повод амнистировать Барбеса (что очень того оскорбило). Даже узурпатора Бонапарта, задушившего 2 декабря 1851 г. французскую республику, революционеры Франции и всей Европы меньше боялись и не так яростно ненавидели, как Николая. Подавление венгерской революции войсками Паскевича в 1849 г. еще стояло у всех перед

глазами и вызвало к отмищению. То, что самый грозный враг освобождения народов от абсолютизма и от феодальных пережитков сидит в Петербурге, являлось в годы, предшествовавшие взрыву Крымской войны, повсеместно признанной аксиомой.

Горячо желали поражения реакционного царизма основоположники марксизма.

Маркс и Энгельс страстно интересовались Крымской войной и следили за военными событиями, хотя им приходилось пользоваться скудными и часто лживыми корреспонденциями английских газет с театра военных действий, потому что никаких иных источников фактической информации о войне в 1853–1856 гг. у них долгое время не было. Удивительно, как им часто удавалось тогда же, сразу, прекрасно разбираться в клубке противоречий, вымыслов, сознательных и бессознательных извращений и фактических ошибок, которые в этом «патриотическом» газетном материале были таким характерным явлением. Французская пресса, либо бонапартистская в подавляющем большинстве, либо задавленная свирепой цензурой, прочно утвердившейся после переворота 2 декабря 1851 г., была еще несравненно хуже английской, и ею Маркс и Энгельс пользовались лишь в очень редких случаях.